

Теория невероятности

Автор:

[Александр Скляр](#)

Теория невероятности

Александр Акимович Скляр

Малое – часть большого. Каждый человек – отдельная страна. Не каждый может стать президентом, а став, – справиться с наседающими негораздами, желаниями. Любовь, предательство, случайности переполняют жизнь. И президентов, и простых любителей пива манят заманчивые перспективы, ласкающие душу, но часто становящиеся недостижимыми. Бездонен мир случайностей. Странная лотерея правит миром.

«Если расположить голову строго горизонтально вверх и плюнуть, то плевок, под воздействием силы земного притяжения, вернется обратно к месту начала полёта. Справедливо ли это? И если нет, то кому прикажете жаловаться? Кто владелец, этой самой, силы земного притяжения? Пусть ответит на вопрос».

Яша Мухоморкин лежал битый час на диване и плевал в потолок. Доплунуть не удавалось. Каждый раз сгусток слюны возвращался обратно. Совершенно не помня школьного курса физики, Яше удалось постичь своим умом, что слюна возвращается на лицо, если положение головы на диване строго горизонтально. Яша ловил это положение уже второй час. За это время Луна, огибая Землю, проделала несколько тысяч километров и продолжала свое движение, не сбавляя скорости. Яша тоже не прекратил свой эксперимент и не утратил оптимизма. Он пытался добиться такого положения головы, чтобы плевок вернулся строго в исходное место, откуда был послан к цели.

С тех пор, как человечество подивило свет своим появлением, оно не перестает заблуждаться в своих умозаключениях, прогнозах, делах. С этого же времени остаются не решенными уйма вопросов будоражащих людское любопытство, в том числе и Яшино. Любознательность стимулирует технический прогресс общества. Оно же питает вредные привычки и злоупотребления. Вот он – двухполюсный мир: где добро, там и зло; где польза – там ищи и вред. Угроздило же Создателя поставить нас на такую растяжку. Без вражеской интриги, чувствуется, здесь никак не обошлось, ядри её в корень... Задача человечества – определить этих врагов, обезвредить и устранить перекося.

Яша продолжал, лёжа на диване, плевать в потолок, в надежде добиться идеального результата, а заодно, с пользой для осмысления собственной жизни, будоражил сознание философскими размышлениями:

«Куда девается жизнь человеческая – этот сгусток химической, биологической, электро-магнитной и прочих энергий, – вмиг покидающих бренное тело, утратившее свою востребованность, и в мгновение, превращая нужник в «не нужник»? Нет необходимости быть настолько умным, – Яков был самокритичен, – чтобы понять, что на Земле она, без сомнения, расцветает полевыми цветами. Во Вселенной же, знамо дело, несётся космической пылью к новым мирам и звездам, увлекая за собой вечную мысль...»

От высоких материй Мухоморкина настойчиво отвлекало низменное чувство: ему страстно хотелось колбасы. Особенно, копченой...

Философ повернулся набок, пытаясь дать голове отдых от мыслительных процессов, и стал рукой чесать пятку, стараясь вызвать расслабление тела, а заодно, получить удовольствие. Проведенная релаксация, похоже, пошла на пользу. Очередной плевком был запущен весьма удачно, и на обратном пути приземлился на Яшин нос. Это отвлекло испытателя от философских раздумий, но подбодрило к новым достижениям в определении траектории полета посланницы.

«...Куда деваются человеческие устремления? – Преобразуются в кропотливый муравьиный труд или летят пчелой, чтобы снять пыльцу цветения, переработать и отнести в улей во имя всеобщего блага до скончания пчелиного века? Или несутся по направлению устремленного вдаль взгляда, который невозможно

погасить?..»

Мысль, о куске копченой колбасы в золотистой шкуре, чуть отодранной от тела, подло отгоняла от философских раздумий. Это несправедливое мировое распределение между бытием и умничаньем вечно стояло на пути великих открытий.

Дорассуждавшись до столь умных заключений Яков встал с дивана и задумался над мыслью: если бы ему представилась возможность выступить перед человечеством, чтобы он поведал сообществу ценного? Мухоморкин встал на стул, вложил ладонь правой руки под мышку левой и мысленно возвестил:

«Граждане! Когда наступают поздние сумерки и осы ложатся спать – их разбудить не может даже запах копченой колбасы. А человека может... И это одно из многочисленных отличий людей от ос.

А что Чарльз, уважаемый, Дарвин? Интересно, употреблял ли он в пищу копченую колбасу? И если употреблял, то какой процент мяса в ней был заложен? Получив ответ на эти вопросы, мы точно узнаем: а не был ли, сей ученый муж вегетарианцем. Его теория дает намек, что именно им он и был, так как предполагает щадить каждую живую клетку, из которой, якобы, произошла обезьяна, ставшая прародительницей человека. Фи, какая мерзость... И нет ли тут заговора инопланетян, чтоб известить человечество в космическую пыль? Было бы неплохо проверить господина Дарвина на детекторе лжи: чьи интересы он защищает? Лжеучёных, состоящих на попечении последователей царя Соломона и его чиновников, или тут интересы испанских грандов заложены; французских банкиров, каких-нибудь Ротшильдов, а возможно, и вовсе германских канцлеров? А мы страдаем ежедневно, оттого, что правды не найти в этой околесице. Как истину обнаружить, если на неё тут же бросается свора финансовых извращенцев, мнящих себя пупами этого мира. Сии пупы протухнут и отомрут, да только когда? Прежде, огромная часть людства понесётся космической пылью вдаль к Млечному Пути, к невидимым Вселенным и обогащенная новыми, невообразимыми знаниями, пришлет землянам информационный сигнал – нечто, вроде:

«Дайте зайцу козу» или «Заткните президентом народную задницу», и ту же – «Сварите суп с хвоста дворняги».

Оно то, вроде бы, всё понятно и вполне выполнимо, но уж очень не эстетично. И смысл весьма смутно просматривается. На то, правда, и есть ученые коты, чтобы во всякой козявке распознать инопланетного посланника, и любую дребедень рассматривать с точки зрения космической науки, будь они не ладны со своими заумными гипотезами: деньги «палят» на свои изыскания немислимые, а результаты сомнительные.

* * *

У Игоря Кислоуха выпал зуб. И обидно то, что передний. И выпал не сам по себе, а по протекции лучшего друга Яши Мухоморкина, поспорившего в пивном баре с корешами, что Игорь откроет бутылку пива зубами, точнее зубом. Игорь не мог подвести друга, и Яша выиграл на спор бутылку вина. Проиграл Игорь, успев чмокнуть для шарма горлышко открытой бутылки, и следом выплюнул зуб, глазной, уже не совсем чувствуя себя победителем.

Единицы измерения – интересная штука, и в этот момент к ним добавилась ещё одна – «открывание пробки пивной бутылки – один зуб». Вставить один зуб стоит никак не меньше ста долларов. Отсюда вывод: в данном конкретном случае открыть зубом пробку пивной бутылки стоит сто долларов. Яша, за «подвиг» Игоря, в виде выигрыша получил бутылку вина, которая стоит от силы три доллара. В сформировавшейся задаче спрашивается, как же такое явное неравенство для одного субъекта спора, стало равенством для другого?

Эти тяжело усваиваемые мысли (если вы не потеряли зуб за просто так – чего вам утруждаться) навязчиво лезли в голову Игорю Кислоуху, несмотря на его презрительное отношение к математическим упражнениям.

Яша смог прочесть в глазах Игоря многозначительное раздумье, и взглядом ответил ему, чтоб он не мучал голову бесполезными вычислениями: хоть зуба нет, зато бутылка пива открыта и доступна, а в придачу вино – пусть голова веселится в отместку.

Но Игорь почему-то не разделял Яшиного веселья. И тогда Яков направил ему мысленное послание, мол, ты нам своими задачами по ушам не елозь. Мы и так ученые – у нас вся таблица умножения записана на калькуляторе. Расслабься лучше, милый друг, и душой, и телом, а уж о грустном после... как-нибудь.

Яше тоже было жаль Игоря зуб, но выигрыш был чуточку родней.

Игорь запутался в своих умозаключениях. Он никак не мог понять: как такое возможно, чтобы выиграть спор ценой в три доллара, открыв пробку зубом, и тут же потерять от выигранной затеи сто долларов. Как такое возможно, чтобы одна и та же работа – открывание зубом пробки бутылки – с одной стороны стоила три доллара, а с другой обходилась в сто долларов? Получалось странное равенство двух совершенно не равных чисел. Математику в школе Игорь систематически прогуливал – не переваривал он её ни умом, ни сердцем, – нечистая сила раздери эту ...матику. Она его тоже не баловала и хлестала по мордасам при первом удобном случае. Он мысленно обратился к сведущим людям за разъяснением странностей препятствующих радостям жизни. Его немой монолог выглядел приблизительно так:

«Физики и математики... мать вашу так же, как меня с этой долбаной бутылкой пива... всех континентов! Вы следите за мыслью? Вы бьётесь над двадцатью этажными уравнениями и многоярусными проблемами, а простую задачу с пробкой разрешить не можете! Как неравенство уравнилось с равенством, я вас спрашиваю? Дайте честный ответ: как обычная пробка совершила такой рикошет, и где мне взять сто долларов, чтобы вставить передний зуб (с учетом того, что бутылка вина за три доллара уже выпита)?»

А вы все о Космосе, о Вселенной! Тут на Земле дел полно».

Игорь, злясь, неизвестно на кого, продолжал искать ответ на свой вопрос, вновь и вновь нащупывая языком пустое место во рту, образовавшееся взамен удалившегося зуба. Дыру надо было чем-то заделывать. Это «что-то» стоило не малых денег, а их как раз-то и не было. В земном измерении задача для Игоря решения не имела. К другим измерениям не подпускали физики с математиками, жадно впившись зубами в заманчивую многообещающую сферу науки, решением которой время от времени они пугали друг друга, а заодно и все издерганное прелестями жизни человечество.

«Что за глупая привычка привязалась к организму – харкать, где ни попадя. Так можно скатиться и до более скверных поступков», – корил себя Яша Мухоморкин, божась более такого бескультурья не допускать. ...Но, едва переступив порог своей квартиры, плюнул на стену. Ему в голову пришла новая интересная мысль. Слюна потекла вниз, согласно затейливому закону всемирного тяготения. Он приложил линейку к следу, оставленному на обоях слюной, и радостно заключил: «Она бежит по направлению к земному ядру...» В нём явно спала убаюканная до ныне хватка ученого, ну, как минимум, работника умственного труда. «Если в этом направлении начать копать, то можно докопаться до раскаленного земного ядра», – бомбил его мозг новыми достижениями.

Сказал и задумался. Головной мозг начал выдавать общеизвестные законы природы, казалось бы, напрочь извергнутые оттуда по завершению школьной программы. Признаться, Яша не любил в юности учиться. И после тоже... То, что рассказывали преподаватели на уроках, наводило на него неуёмную скуку и тоску, и невольно вызывало зевоту. И вот только теперь, спустя столько лет, в голове что-то зашевелилось.

«Нет, копать здесь нельзя, – вновь отобразил его мозг умную идею. – Если докопаюсь до ядра, то в квартиру хлынет раскаленная лава». Яше стало не по себе. Он поумнел после тридцати. До этого, как-то всё не получалось.

Яша страдал от донимающих идей, порождающих многочисленные вопросы и отсутствие разумных ответов на них, и в итоге нашел Варю, на которую возлагалось подтверждение наличия вопросов без ответов. Он пригласил её в кафе для более теплого знакомства. На последние деньги он заказал себе водки, своей пассии – мандариновый сок; себе капусту, девушке – котлету. От хлеба Варя отказалась, Яков потребовал полбуханки. Как только молодая официантка выполнила заказ, Яша приступил к волнующим его темам. Варвара была крепка собою и сначала слушала Яшины сомнения молча. Она хотела конфету, вареники с вишнями, жареную курицу и детей. В Яше она желала видеть того, кто может эти хотелки воплотить в жизнь. Её умное задумчивое выражение лица убедило Мухоморкина в правильности выбора собеседницы. Девушка смотрела на него, как на нечто сверхмощное и многообещающее. Когда он стал излагать ей своё видение мира, она открыла рот, демонстрируя привлекательные белые зубки, и закрыла его только тогда, когда...

– Сначала боги жили на Олимпе, а ещё раньше – на Солнце. Ныне они переместились в Космос, а люди достигли такого уровня технических знаний, что посылают к ним своих посланцев – ракеты и спутники. Ракеты иногда взрываются. Боги от них отмахиваются, как человек от назойливой мухи.

Человек родился умным, чтобы благоустроить Землю. Но оказалось, что навести повсеместно порядок, без кровопролития, не представляется возможным...

Варя сидела, по-прежнему, открыв рот, восторгаясь своим ухажером. У неё в голове крутились детские бантики, бутылочки с молочком для младенцев, и тут же огромное необъятное «Счастье» в образе белоснежного многопалубного круизного корабля.

– Часто малое по конструкции, и вообще... повторяет большое, а простое – сложное, и наоборот, – продолжал Яша, видя завораживающий интерес к своим рассуждениям. – Всё в природе переплетено и одному событию или предмету от другого никуда не деться. Так камень, сколько не бросай, да хоть подвесь его за веревку к ветке дерева, а его все равно к земле тянет. Так и мужчина с женщиной: такие разные, ругаются, бьются, иной раз убить готовы друг друга, а всё равно тянет их биологическая сила вновь объединиться. ...И все другие предметы так же липнут к земле, перемешавшись между собой, словно виногрет; начинают толкаться, отвоевывая себе пространство.

– А боги, как же? – отважилась на вопрос Варвара, и во рту у неё пересохло.

– А, что боги! Плюнут в сердцах, вызовут тем небольшой потоп, и на этом всё... Набрядло им человечество со своими фокусами за тысячелетия. Учишь, учишь – и всё впустую.

Далее Яша закрутил такого дикобраза, что редкий бы слушатель воздержался от возмездия.

– Вот выпал у человека зуб – с этим все понятно; обидно за друга, немного не рассчитал, увлёкся без меры. А вот почему курица может высидывать яйца, а петух нет? Ленился он или какая другая причина его обурекает, а только факт на лицо: не хотят цыплята из того яйца, на котором петух примостился,

вылупляться. Почему в инкубаторе птенцы рождаются, а положи яйцо на батарею и сколько его не кутай в тряпки – никакой отдачи?

У Варвары глаза округлились от таких неслыханных речей, и уши своими раковинами потянулись к эпицентру возмущения разума.

– Почему человек, как курица, не может, расположившись на яйцах, высиживать птенцов? В чем загвоздка? – Яков Мухоморкин вошел в раж и, ощущая себя чуть ли не выдающимся ученым, продолжал развивать тему так беспокоившую его. – Откуда яйцу знать, что на нём сидит курица, а не Оганес Абрамович Перепелица – токарь пятого разряда, любящий в равной мере работу и пиво, мой сосед... я ему столярник денег должен, да пока вернуть нечем.

Известно: женщины детей рожают, – почему же они не могут высиживать цыплят? Это же не детей порождать; здесь более простой механизм действует по сравнению с деторождением. Так отчего же то, чему под силу вершить более сложные процессы, не может одолеть простые?

Лоб слушательницы сузился, и по нему побежали морщины. Видно, предпринимались мучительные попытки уяснить сказанное. Мозг не старался найти ответы на поставленные вопросы – он лениво ждал разъяснений вместе со своей обладательницей.

– Специально не стану заглядывать в энциклопедию в поисках заумной информации на этот счет, чтобы не забивать голову ученой премудростью, понятной только избранным, – Яша безапелляционно излагал свою позицию по данным вопросам. – Все эти художники, ученые, философы такое напридумывают, что только им подобные могут содеянное уразуметь. Во всяком случае, так они утверждают. А что же остается остальным людям на земле делать, если сия премудрость не дана им для понимания? И где гарантия того, что так званые, мужи, наваяли – вообще, поддается пониманию? Разве убедительно, если несколько человек, глядя на какое-либо недоразумение, одновременно кричат, выделяя пену изо рта: шедевр, гениально, неподражаемо... Да оплатите вы любой толпе услугу и будут они кричать, как миленькие заученную фразу – на том недоделанный мир стоит. Это сродни грудному ребенку: дают молоко – не кричит, не дают – заходится протестом. Таким образом, варианты могут быть любые, но положительный результат достигается подкормкой объекта стимулирования заказанного проекта.

Варвара нехорошо покосилась на Яшу, сверкнув глазами, лоб её распрямылся от морщин, а кисти рук сжались в кулаки. Мухоморкин ложно оценил эту перемену, как одобрительную и, воодушевившись, продолжил свой монолог:

– Вот так и в моде. Деньги ведут её за собой, а она, спотыкаясь, едва успевает за ними. И эту цепочку разорвать невозможно, как в случае с мазохизмом: мучительно, больно, дорого, присутствует влияние психиатрии – а доставляет удовольствие и гордость. И нет никакой возможности это безобразие прекратить, потому что обе Высокие Стороны довольны получаемыми дивидендами: бизнес – деньгами, модники – причудливыми фасонами, вызывающими вначале недоразумение и смех, а после зависть и удовлетворение. И никто никогда не откажется от этой игры. Чем не вечный двигатель?..

Варвара закрыла рот, когда... услышала про вечный двигатель, вскочила и плеснула мандариновым соком из стакана в лицо Яше. Секундами раньше, её мозг определил, что Мухоморкин не тот человек с кем можно рожать детей и тащить чемоданы на белоснежный лайнер, и накатившееся возмущение пролилось на Яшу.

– Идиот конченный! – подвела итог Варвара своим действиям. – А прикидывался умным...

Яша опешил: на её лице он застиг то же выражение, что вероятно было и у Иоанна Грозного за секунду до убийства сына. Варя грохнула стулом, воткнула свою вилку в недоеденный Яшей хлеб и солдатским шагом рванула к выходу.

Кавалер очень расстроился случившимся. Особенно донимало, что он остался не понятым, а также, жаль было зря потраченных денег на мандариновый сок и котлету. Он не мог вспомнить, чтобы Варвара ела котлету, но и в тарелке данного мясного блюда не наблюдалось. «Неужели с собой забрала?» – мелькнула у Яши обидчивая мысль. Он допил водку, вытрусив последние капли из графинчика, доел хлеб, и внутри пуше прежнего болезненно заскулило, потянуло на серьезный разговор.

Тут то и подсела к нему за столик без спроса разукрашенная девица лет двадцати с болтающимися побрякушками на всем, за что можно было бы зацепиться.

- Поскучаем вместе? - предложила она с девственной улыбкой на губах.

- Ага, - произнес Яша и, устремившись к своим мыслям, продолжил: - Как распознать искренние чувства и глубокое понимание темы от простого инфантильного торгашеского интереса? Никак! - отвечал он сам себе. - Разве что покопавшись в подсознании конкретного индивида...

Девушка встала и молча ушла. Яша не очень расстроился, так как не видел в ней надежного слушателя. Но она снова подошла к столику и без всяких предисловий спросила:

- Может, угостишь даму водкой, милый? - и наклонилась к нему, поднеся к глазам широкий вырез декольте и то, что было там внутри. А там было...

- С удовольствием, но денег нет. А ты не одолжишь? Я после, ей-богу, отдам, - ответил Мухоморкин вопросом на вопрос, внимательно вглядываясь в разрез декольте. Перед его взором предстала гористая местность в виде латинской буквы «W».

- Повеситься можно... - странной фразой отреагировала новая знакомая на Яшины слова и, уходя, бросила, - может тебе психушку вызвать, милый? - Её привлекательная улыбка ласкала взгляд.

Яша задумался. Нет, не на счет психушки - о латинской букве «W».

* * *

Брыню - Алексей Брынюка - тёща сдала в психиатрическую лечебницу для прохождения там дальнейшего жизненного пути.

Непонятно, почему жена и тёща, хоть и смотрят на мужа-зятя по разному, но в спорных случаях обычно объединяются в единую коалицию, чтобы противостоять несуразному мужлану не желающему понять их интересы и удовлетворить потребности. Неужели потому, что одна из другой произошла? В священном писании четко сказано, что все люди на земле братья и сестры, и произошли от одних прародителей. Но видно, тёща Брыни про это забыла и дочке не удосужилась рассказать.

Мама Брыниной жены взахлёб рассказывала всем, как она хочет помочь зятю образумиться и сколько добра для него сделала в жизни и сколочко всего собирается соорудить впереди. И видно, была услышана свыше. Брыня попал в такие благодатные условия и обольстительную разношерстную компанию, что его глаза расплзлись врозь от расширившегося кругозора в новой среде обитания. Это было сродни эффекту калейдоскопа – оптической трубки, при вращении составляющей из разноцветных стеклышек красивые узоры, которую в детстве родители подсовывают своим отпрыскам для развлечения. Так, похоже, судьба, по инициативе тёщи, подкинула Брыне общение с блистательным калейдоскопом человеческих дарований, носителями которых были замечательные люди.

...Здесь водились научные сотрудники с идеей достичь иных Галактик в течение нескольких недель, используя изогнутость Вселенной. Исследователи черных и белых космических дыр сулили человечеству такие полёты, что дух слушателя разрывался на части только от теоретических подробностей подобных путешествий. Отделение Брыни было представлено таким широким спектром специалистов разных профессий, что хоть местную академию наук открывай. Агроном предлагал идею по достижению сверх урожайности злаковых, невзирая на погодные условия, широту и долготу места посева и прочие препятствия, рушившие обычно планы работников полей. Тут же восстанавливал своё здоровье шофер – с идеей модернизации двигателя автомобиля до страшной мощности, работающего на дровах. Были два шахтёра с черными от угольной пыли лицами, которые точно знали, как из угля добыть алмазы; дворник, у которого дома под кроватью была спрятана волшебная метла, самостоятельно метущая пыль квадратными метрами. ...Биолог всё пытался заставить божью коровку поменять окрас своего панциря с красного на зелёный или любой другой по желанию случая, а заодно вывести прочь черные точки-крапинки.

Но больше всех привлек Алексея стоматолог Вася, носившийся с идеей внедрения стволовых клеток в человеческую челюсть, с тем, чтобы заставить её плодоносить новыми молодыми зубами. К нему-то Брыня и причалил вплотную: уж очень хотел помочь своему товарищу, Игорю Кислоуху, восстановить потерянный в пивном баре зуб. Дело было так: послала тёща любимого зятя, то есть его, Алексея, в магазин за продуктами на ужин. А тот по дороге только на минутку заскочил в пивной бар посмотреть, что там делается, и застал вершившийся спор: Яша поспорил с дружбанами, что Игорь Кислоух зубом металлическую пробку бутылки откроет. На кон поставили бутылку вина. Брыня, конечно, тут же присоединился к спорящим, лишь услышав о вине, и от себя сделал ставку. Сделал и проиграл тёщины деньги, но выиграл Игоря зуб,

который остался лежать не нужным на полу. Брыня был воспитан на справедливости и деньги тёщи, которой он отдавал зарплату, были ему менее важны, чем Игоря утраченный зуб. Вот теперь он и заразился идеей помочь вырастить другу новый зуб.

На третий день своего пребывания в стенах специфического лечебного учреждения Брыня начал изучать латынь, а ещё через неделю – азы программирования. Умельцев на все руки, слава богу, в лечебнице хватало. Несмотря на свою занятость, Алексей про друга не забывал, и каждый день по несколько раз третировал стоматолога, чтобы тот поторопился с получением стволовых клеток. Стоматолог обещал... раздобыть молодую кровушку для выделения из неё нужного продукта. Брыня подыскал подопытного пациента, на котором планировалось предварительно провести эксперимент по вживлению, этих самых, стволовых клеток. Пациента звали отец Влас, и было ему по внешнему виду лет сто, но медсестра как-то проговорила, что сему старцу не было и сорока. «Просто конституция такая», – сказала она сочувственно. Из каких соображений к имени Влас пристегнулось слово «отец» никто не знал и не интересовался. Видно, не нашлось заинтересованных лиц выяснять это обстоятельство из-за полной бесполезности такого поиска. Отец Влас обычно сидел на стуле перед окном, отречено вглядываясь вдаль с открытым ртом, в котором красовались два передних зуба: один верхний и один нижний – комплект, можно сказать. Брыня, как-то наклонился к лицу отца Власа и проследил за его взглядом. Взгляд уходил в космическую бездну. «Я так и думал, – сказал сам себе Алексей, – идеальный подопытный экземпляр. – И добавил с торжеством в голосе: – Крепись, Игорёк, скоро мы тебе зуб вырастим».

Но всё хорошее длиться недолго – по закону всемирной подлости. В один прекрасный день, когда стоматолог пообещал в день-два раздобыть-таки стволовые клетки для проведения эксперимента (пустить-таки кровушки кому следует), дежурный санитар злым голосом потребовал Брыню к главврачу. У Алексея ёкнуло сердце. Все же чувствует человеческая субстанция через пространство и время, когда ей грозит радость, а когда намечается какая-нибудь гадость.

Главврач задал Брыне несколько глупых вопросов (с точки зрения Алексея) и, получив ответы, обратился к ведущему пациента врачу:

- Готовьте больного на выписку. Здоров.
- Как здоров?! – восторгнулся Брыня. – Я же ещё ничего не успел сделать...
- А ничего делать и не надо, – посоветовал главврач. Вернётесь домой...
- ...К теще?! – вскрикнул Алексей с негодованием.
- ...Вернетесь домой, – спокойно повторил врач, – отдохнёте, придёте в себя, всё будет хорошо. И больше не болейте.
- Не пойду! – завопил Алексей и внутренние силы подбросили его со стула на такую высоту, что на потолке остался влажный отпечаток. Один из санитаров, стоящий сзади и вовремя ухвативший больного под руки при приземлении, сказал: «Ого-го! Вот, что бывает, если человек не хочет чего-то, а его заставляют. Фантастика!..» А второй добавил: «Люблю я свою работу – на ней такого насмотришься, что после, кому ни рассказывай – никто не верит».

Вернувшись в палату, расстроенный Брыня шлепнулся на кровать: центробежные мысли будоражили его мозг, сотрясая черепную коробку. Он никак не мог придумать, как же ему быть и что делать: столько интересных и важных дел намечалось впереди. И в самом интересном месте, из-за какого-то недотёпы главврача он лишится захватывающей перспективы, увлекательных событий, а кроме того, не выучит латинский язык, не освоит азы программирования. А что будет с зубом Игорька? У него даже мелькнула мысль, а не упросить ли главврача оставить его хотя бы до того времени, пока стоматолог не пустит кровь «кому надо», не извлечет стволовые клетки и не применит их для стимулирования человеческой челюсти к воспроизводству новых зубов. Но тут же сам себе возразил: главврач, являясь по специализации психиатром, не поймет проблемы стоматологии и тем более необходимость применения стволовых клеток в ней. А если ещё всплывет готовящийся стоматологом эксперимент по выделению стволовых клеток из крови неизвестно кого в подчиненном главврачу учреждении, то тут уж его, хоть он и не хороший человек, кондрашка точно хватит, да и стоматологу несдобровать.

Вот к чему приводит жизнь, если вовремя не сориентироваться в обстоятельствах. Это после Алексей додумал, что на «глупые» вопросы врача надо было давать такие же ответы и даже ещё похлеще. Не зря же народ загодя

придумал поговорку: «Каков вопрос – такой и ответ». А то корчил из себя умника – вот теперь и выпутывайся из положения.

Брыня поступил проще и от безысходности неразумно: когда пришли «сотрудники» выписывать его из больницы, ухватился руками за билье кровати, как он считал железной хваткой, не желая покидать столь благодатно приютивший его дом. ...Но недооценил сноровки санитаров, изголодавшимися коршунами бросившихся на его цепкие кулаки и, разогнув пальцы, заломили их, словно сухие сучья для костра. Ещё те туристы... видно, с молодости тренировались в подобных делах.

Впереди Брыню ждала встреча с женой и, тенью маячившей за её спиной, тещей. Больше идти было некуда. Суетливые мысли металась в голове, но надёжного выхода не находили. Он подумывал о том, чтобы нелегально вернуться обратно в больницу, но, увы, вынужден был отказаться от этой идеи: слишком хорошо продумана система охраны, решетки, заборы, сигнализация и мопсы из преисподней в образе санитаров.

Странноватая эта штука – жизнь: где казалось бы должно быть хорошо – там плохо. А в тех местах, о которых иной раз и говорить в порядочной компании неприлично, – совсем иной эффект от расчетного: и состояние души возвышенное, и общество притяжательное, и настроение возвышенное, так и хочется горы свернуть... на крайний случай, что-нибудь помельче, но веселенькое отмочить.

После того, как Брынюка выписали из больницы и мысли изгнанника блуждали в поисках надёжного пристанища, ноги сами привели Алексея в пивной бар. Вот и говори после этого, что голова умнее ног, потому, что в ней мозги спрятаны. Пивной бар имел далеко не экзотическое название – «Друг», и завсегдатаи заведения, если их одолевали некие сомнения в жизни, говорили: «А не зайти ли мне к «Другу»? И всегда, заходили...

Брыня рассказал свою историю со всеми подробностями старым приятелям, которых объединяло и роднило питейное заведение, слышавшее тысячи подобных историй за время своего существования. Ему сочувствовали, давали многочисленные советы и обильно угощали пивом и более крепкими напитками, соглашаясь, что мужчине совладеть с двумя женщинами, одна из которых – теща, невероятно сложно. К закрытию пивного бара, в головах друзей накопились наиболее эффективные мысли по жизненным вопросам, только

языки слегка заплетались и ноги не вполне слушались. Общественный разум, сконцентрированный в подвальном помещении бара, пришел к выводу, что идеальная тёща должна жить за сотни километров и при этом иметь проблемы с двигательной системой организма, то есть, быть немножко парализованной. Что же касается жены, то очень желательно, чтобы она была немая и глуховатая, хотя бы на одно ухо, и иметь не более пятидесяти процентов зрения, чтобы отличить картошку от яиц, а морковку от банана.

На этом прения были окончены, и довольные посетители злчного места, гордясь достигнутыми результатами, стали медленно расползаться по домам на ночевку. Расставания сопровождалась клятвами в вечной дружбе и обильными взаимными лобызаниями. Слюни текли рекой. Носовых платков, как обычно, ни у кого не было; смахнуть набежавшую слезу и обтереть чужие сопля было нечем.

Дверь открыла жена Люська и, увидев Алексея на пороге не задумываясь, проголосила:

– Мама, Лёшка с дурдома сбежал. Вызывай милицию!

Брыня одним плечом попридержал дверь, а вторым поднажал на жену. Алкоголь в лечебных целях и его воздействие на храбрость человека – известная истина. И только это заставило мужа не бежать из дома прочь, а напротив, героически проскользнуть в образовавшуюся прореху между дверью и женой. Лешина самоуверенность, проявившаяся по известной причине, тут же обдала жену волной сомнения и нерешительности.

В это время тёща, не теряя время, наяривала по телефону. Её диалог с неизвестным абонентом загипнотизировал в прихожей Брыню и его супругу Люську, застывших в ожидании дальнейшего разрешения создавшегося обстоятельства.

– Мой зять сбежал из психиатрической больницы, куда я его с таким трудом засадила, и хочет меня зарезать ножницами, – подло фантазировала тёща, ища поддержки у противоположной стороны.

– Звоните в психиатрическую больницу, ваш вопрос не в нашей компетенции – нет состава преступления, – последовал ответ.

– Пока они приедут, он меня зарежет! – кричала обманщица в трубку, подражая голосу раненого бегемота. Чтобы услышать вопль раненного бегемота, не обязательно ехать в Африку. Можно попросить Брынину тёшу, и если она будет в настроении, то исполнит просьбу за небольшую мзду. Любит тётя денежку.

– Вот, когда зарежет – тогда и звоните! – выкрикнул тётчин оппонент и окончил разговор.

Люсина мама послала в пространство много противно скрипящих слов, отчего воздух в квартире прокис.

Супруги, стоя в прихожей, слышали, конечно же, только слова тётчи-мамы и осведомились, что желаемый результат не достигнут.

Лёша храбро прошёл в столовую и вежливо попросил жену принести ему чашку горячего чая. Люся так разволновалась от ворвавшейся в дом нервозности, что, не оспаривая требования, отправилась на кухню выполнять просьбу мужа.

В рядом расположенном лесу в это время сдохла кукушка. У егеря того же леса выстрелило незаряженное ружье, стоящее в углу чулана, и ожидающее, когда же хозяин разбогатеет на покупку патронов.

...В столовую влетела расфуфыренная от неудачного разговора тётца и задрезжала в ярости такими звуками, что слов было не разобрать, но эмоций было вполне достаточно, чтобы понять, что мать жены чем-то сильно не довольна.

Упреждая дальнейшие катаклизмы в природе и в квартире, Алексей резко вскочил на стул и назидательно поднял указательный палец вверх, к потолку (в его понимании к небу). Свет в квартире погас, а следом ослепительно включился, и палец, а следом и пространство вокруг него осветилось небесно божественным светом, и тётца увидела, как священный нимб взошел над головой зятя. Она в ужасе повалилась на колени и три раза в поклоне боднула пол головой.

– Мама! Он тебя ударил? – запричитала своим вопросом вошедшая дочь (чашку чая для мужа она приготовила, но забыла на кухне). – Я его сейчас загрызу, как волк лошадь, – и оскалилась так, клацнув челюстями, что будь в комнате

лошадь, понеслась бы она, спятив от страха, без оглядки.

– Ох, – только и смогла промолвить тёща, стоя на коленях, а следом, боднула пол челом три раза.

– Что с тобой, мама?!

– Глянь на мужа, – ответила мать, – на него божья благодать сошла, – и снова коснулась в поклоне челом пола.

Люся испугалась, подумав, что мать тронулась умом на почве нервного потрясения. В это время свет в квартире снова погас, и тут же ярко вспыхнул опять, слепя присутствующих. Люся глянула на мужа и его вознесенный к потолку палец, светящийся лазурным светом на фоне ламп люстры, а над головой его кружился тор, сияя блёстками.

– Нимб видишь, дочь, у него над головой? – шепотом спросила мать, стоя на коленях и не смея поднять головы.

Дочь Люся тоже заметила сияющий нимб, а после и голову мужа, над которой он разместился.

– Возможно, это и нимб. Я их раньше не видела, мама, – ответила она спокойно.

– Падай, дура, ниц... как бы чего худо не вышло, – и потянула, не глядя, дочь за руку. – Видно, бог его отметил там, откуда пришёл...

Люся скорчилась рядом с матерью, боясь, лишний раз глянуть в сторону мужа и убедиться в святых метках.

Вот тут-то с тёщей и стало происходить неладное, похоже, хватил удар: она завалилась на спину, речь нарушилась, а изо рта пена пошла.

Люська, испугавшись, запричитала, как божевольная.

– Звони в скорую помощь... – Лешка воздержался от браного слова, после общения с интеллигентными людьми в психиатрической больнице.

Жена схватила трубку телефона и стала вызывать врачебную подмогу.

Осмелевший Лёша, прошел в комнату тёщи, достал из аптечки бутылочку спирта, который та всегда держала на случай инъекций, шприц, отщипнул кусок ваты, ампулу спазмолитика, который продавался только по рецепту, но у тёщи был. Запасливая была женщина. Брыня аккуратно вертел головой, чтобы не опрокинуть нимб, который обнаружили тёща с женой, разыскивая в аптечке, то, что ещё могло пригодиться. И не зря, прихватил ампулу папаверина, применяемого, обычно, врачами в паре с уже упомянутым препаратом... Он запомнил повторяющееся ученое сочетание.

Брыня вошел в столовую, где распласталась тёща и стенала жена, походкой царствующей персоны, поражающей окружающих чувством величия. Люська непроизвольно отодвинулась, уступая ему место. Лёша чинно разместился на полу, разложив тут же принесенные предметы. Он исходил из того, что произошедшее с тёщей пахивало insultом. Первым делом, Брыня распаковал шприц и, погладив кисть руки пациентки, вонзил иглу под ноготь большого пальца, стараясь вызвать сток крови. Та же участь постигла и другие пальцы, сначала одной, а после и второй руки.

Жена, увидев действия мужа, упала в обморок, не успев обвинить его в садизме и прочих нелицеприятных достоинствах.

Брыня посмотрел на лежавших на полу женщин, и его голову потревожила мысль, что здесь только полиции не хватает. Но винные пары не позволили утратить решимость в деле. Он храбро проткнул по два раза каждую мочку тёщиного уха, выдавив оттуда по капле крови. Об этой экзекуции он вычитал некогда из книги о китайских методах лечения и в том числе об оказании первой помощи при инсульте. Ему давно хотелось проверить действенность данного способа, но никак случай не представлялся. И вот только теперь повезло...

Выполнив необходимые манипуляции, он набрал содержимое двух прихваченных из аптечки ампул в тот же шприц и не без удовольствия вогнал его в мягкое место маме своей жены. Гордясь личными решительными действиями в критической ситуации, убрал инструменты своих деяний, и с бутылочкой спирта прошел на кухню. Разбавил содержимое водой в соотношении один к одному, выпил, занюхав рукавом.

Лёша слышал, как жена пришла в себя в тот момент, когда приехали врачи скорой помощи. Она же и дверь им открыла. Он из вежливости подошёл с тыла, и наблюдал, как врач производил манипуляции с больной. В этот момент тёща пришла в себя, и с неожиданной бодростью в голосе строго спросила: «Что со мной было? Где я?»

– У бога за пазухой, – ответил на непростой вопрос зять, веселясь от удачного разрешения проблемы и под воздействием все тех же алкогольных паров.

Жена снова хотела потерять сознание от распиравших чувств, но медбрат тут же подсунул к её длинному носу ватку с нашатырем, и она встрепенулась, сморкнув так, что огромная сопля, очистив носовую полость, благополучно приземлилась на щеку медбрата, по-видимому, в счет благодарности. Медицинский работник склонился, ухватил подол Люсиного платья и со словами: «Если так все будут харкать, то...». Он так и не договорил, что было бы, оставив решать эту задачу окружающим, но тщательно обтерся материей, за которую ухватился.

Лёша, пока все были заняты делом, решил, что должен себя ещё чем-то возблагодарить за проделанную работу, и вновь посетил безмерную аптечку мамы жены, обрадованно обнаружив в ней некую настойку, в содержании которой значился спирт.

А вот дальше у него в сознании, все вдруг как-то растворилось, и память очистилась от воспоминаний.

Алексей проснулся утром, лежа один на супружеском ложе на свежих простынях, пахнущих освежающими добавками, применяемыми в стиральных порошках. Вокруг всё дышало почитанием отдыхающего и порядком. Брыня подивился такому пробуждению и тут же насторожился. Сомнительная мысль не давала покоя: если в жизни что-то хорошо складывается – начинай думать, в чём же подвох. Он бегло пробежал в мыслях всё, что произошло вчера после выхода из психиатрической больницы. И вспомнив, никак не мог решить, как ему вести себя: как человеку с нимбом над головой или же, как пациенту психбольницы. Тут же предположил, что в пивном баре его каждый день угощать на шармак не будут, хоть и друзья – у самих денег не густо. Поэтому решил корчить из себя божественную персону, но если не получится нужный результат, то под той же

коронай превратится опять в пациента психиатрической больницы с рецидивом прежней болезни.

Он быстро оделся, причесал пятерней волосы у зеркала и двинулся в ванную, чтобы собраться с духом и привести себя в порядок. Чем закончился вчерашний день Лешка, хоть убей, не помнил. В ванне стоял новый флакон мужского одеколona и много чего приятного. Он умылся, побрился, принял душ и обмазал себя с ног до головы всем, что попадало под руку. На удивление, в двери никто не ломился, не стучал. На кухне он встретился с женой. Та ласково посмотрела на него, чем ввела в сомнительное беспокойство.

– Как мама? – из вежливости спросил Брыня, держа осанку выдающейся персоны, намереваясь разузнать подробности завершившегося вчерашнего дня.

– Спасибо, более-менее нормально, – ответила Люся с нежностью в голосе.

Леша снова насторожился, в любой момент ожидая подвоха.

– Что врачи сказали про диагноз и какое лечение назначили? – продолжал задавать вопросы Лешка, пытаясь прояснить ситуацию. – А то вчера я не всё расслышал.

– Маме диагностировали предынсультное состояние, которое удалось погасить в самом начале, – сообщила жена, сопровождая ответ ласковым взглядом.

– Но ты собираешься навестить её сегодня? – углубился в тему Брыня.

– Зачем. Я её уже навещала. Она отдыхает у себя...

– Её, что, не забрали в больницу? – Алексей от неожиданности разоблачил себя неведением. – Ах да, я от переутомления слегка забыл...

– Дома она. Я же тебе сказала, с ней всё хорошо, благодаря... – далее супруга почему-то потупила взгляд и не договорила.

– Всё же они могли поддержать её недельку в больнице под наблюдением, – расстроился Алексей полученной информации.

– Если хочешь, пойдём, зайдём к ней. Она будет рада...

– О, нет! Не сейчас. Я не готов переварить морально столь хорошо сложившееся обстоятельство.

Брыня был крещен, но не был особо верующим. Церковь, если и посещал, то крайне редко, но исключительно, стыдно признаться, в нетрезвом состоянии в компании таких же грешников-друзей. Посещение, обычно, происходило на Пасху, Троицу и то, далеко не всегда. Всё зависело от того, как звезды разместятся на небе, а также от наличия необходимой компании и денег в карманах. Но вечер этого дня заставил Лёшу поверить в Святую Троицу: и в Бога-Отца, и в Бога-Сына, и в Святого Духа.

Ближе к вечеру, в комнату зашла жена, с подозрительно сияющим выражением лица. Леша тут же напустил на себя гордости, насупился, что генерал на нерадивого солдата, и бросил взгляд в стену мимо вошедшей супруги. Но Люся своего настроения не изменила и

продолжала смотреть на мужа с каким-то замороженным видом. Алексей совсем было насторожился, ожидая задуманный подвох, но жена тут же разъяснила картину, протянув деньги, свернутые трубочкой, с разъяснением:

– Мама просила передать тебе это... чтобы посидел с друзьями: где обычно вы? В пивном баре собираетесь?.. Развеялся...

Алексей уставился на жену и не мог понять, как ему воспринимать услышанное: как шутку, издевку или... И это «или» очень настораживало – слишком свежи в памяти проделки матери его жены, как там её – Изабеллы Викторовны. Так он называл тещу в первые месяцы после женитьбы. А после, при обращении не называл, вообще, никак: ни по имени отчеству, ни местоимением каким – ни-ни, язык не проворачивался. И вдруг вот такая закавыка, да ещё Люська тут же сунула ему в руки эти деньги и застенчиво вышла. Лёша озабоченно растерялся, развернул трубочку, а там сумма, вполне приличная, внесла в голову полный хаос и беспокойство. Но он все эти волнения быстро преодолел философским ответом: если теща чего-то недоброе задумала – все равно воплотит в жизнь, так что надо использовать подвернувшийся момент, а там будь, что будет.

– А ну-ка посмотрите, у меня над головой, что-нибудь не естественное витает? – поставил Брыня задачу друзьям-товарищам в пивном баре, лишь только уселись и принесли пиво.

– Не витает, а сидит, – ответил Яша Мухаморкин, – кепка, а в ней дырка на самом темечке.

– Странно... – произнес Лёша. – А сейчас? – он снял кепку.

– Волосы торчком и начинающаяся плешь...

Алексей машинально пригладил волосы рукой и почесал место, где начинало высвечиваться неприглядное пятно.

– Вот, какое дело, – начал он задумчиво, – вчера мою тёщу хватил удар. А сегодня она дала мне деньги на пиво.

– О, это чудо, – сказал Олег по прозвищу Рваный, потому что у него, бывшего борца, мочка уха была разорвана, – за это стоит выпить, – и он лихо вытащил из сумки бутылку водки собственного изготовления, прославшейся в мире самогонкой. – И пусть твою тёщу ударяют почаще.

После того, как натуральный пшеничный продукт разлили по пивным кружкам, и выпили, задумавшийся на минутку Брыня очень не решительно произнес:

– Она почему-то решила, что я божий помазанник и могу вершить чудеса...

– Ну, дает... баба! – обрадовались приятели. – Если женщине такое в голову придет, то тут время терять нельзя: на хорошие мысли её надолго не хватит, – прокомментировали ситуацию друзья.

На столе появилось новое пиво и вместе с ним потекли рассказы, советы, рекомендации.

– А что ты сказал, насчет чудес? – в разгар всеобщего подъема настроения, вспомнил вдруг Рваный. Лучше бы не вспоминал...

– Тёща сказала, что бог меня пометил и могу творить чудеса.

– Ну, так сотвори! Преврати наше пиво в воду, – выкрикнул кто-то, подергиваясь смехом.

Лешка нехотя перекрестил стол с бокалами, пепельницами, ошметками вяленой рыбы и вяло отвернулся.

– Вода! – не уверенно сказал Вепрь – старинный товарищ по пивному делу, глотнув из бокала.

Все посмотрели на него с недоверием, понимая роль шутки в компании, посмеиваясь.

– Окрашенная чаем вода, – повторил он же, попробовав повторно.

В ответ слышались смешки обуянные пивным настроением.

Хорошее настроение продолжалось за столом до тех пор, пока все не опробовали напиток из своих бокалов.

– Ну, и что теперь будем делать? – это была первая возмущенная реакция на произошедшее превращение и официальное подтверждение, что фокус таки удался. Илюша Кац обвел всех взглядом, требующим поддержки и уперся выпученными глазами в Брыню. – И что теперь будем делать? – повторил он несколько обреченным голосом.

Илюша Кац не был красавцем. Зато мог быть представлен, как великолепный образец самца семейства приматов. Узкий лоб, оттопыренные в разные стороны уши, выдвинутая вперед массивная нижняя челюсть и длинные болтающиеся при ходьбе руки почти до колен делали его интересным экспонатом для зоологов. По-видимому, Чарлзу Дарвину подвернулся в свое время подобный экземпляр, или некто из Ильюшиных предков и эта встреча навела его на идею о происхождении человека от обезьяны. Илюша чрезвычайно любил пиво и крепкие напитки, отдавая предпочтение тем, которые возгорались при поджигании. Любили ли подобное питьё его предки, о том история умалчивает, но поговорка: «в семье не без урода» вполне могла возникнуть благодаря

Илюшиным пристрастиям.

– А обратно, воду в пиво превратить можешь? – спросил Вепрь с сомнением в голосе.

Брыня неуверенно пожал плечами:

– Сейчас попробую, – и он лихо перекрестил стол с бокалами, устремив глаза к потолку, видно, за чудодейственной поддержкой свыше.

Все дружно прилипли губами к бокалам, и так же дружно от них отпрянули секунду спустя, с укоризной уставившись на Лёшу.

– Какое же это чудо? – возразил Илюша, – это черт знает, что такое, если не сказать хуже... Чудо – это, когда воду превращают в пиво. А если ценный напиток обращать в канализационную воду, то это препаскуднейшее вредительство и никак иначе. За это и по шее можно схлопотать... С друзьями так не шутят.

– А не тёщины ли это происки, – высказал предположение Игорь Кислоух. – Подобные вещи им всем во сне мерещатся, как зятя от компании друзей избавить – вот и заворожила Лёху. Не божья благодать на тебя сошла, а ведьмовские проделки. Бог бы такого безобразия не допустил.

– От тёщи, конечно же, всего можно ожидать. Только для меня она так, с боку припёка. Её чарам я не поддатен, – осмелел Лёша. – И вообще, я же не на тёще женился, а на её дочке – вот с неё и спрос.

Яша заглянул ему в глаза и предложил:

– А ты вспомни поговорку: «Любишь меня, люби и маму мою».

– Там, кажется, что-то про собаку сказано, – усомнился Вепрь.

– Вот именно, – подключился Кислоух, – ...что собака друг человека, вот только какого?

– Осталось нам разобраться, – напустил тумана этот мутный философ Яшка, – где же тут собака зарыта, а так же роль мамы в воспитании дочери, и воздействие данного явления на не выпитое Лешкой пиво в компании со своими друзьями.

Брыне ничего не оставалось, как на оставшиеся деньги возместить друзьям причиненный ущерб. Но больше он от всякого рода чудес решил держаться подальше, а не то, что самому их вершить. Никогда не понятно, чем такая штукавина обернется: радостью или гадостью, прибылью или убытком. А вот тещу пострадать лишний раз не во вред будет, а во благо семьи, надо подумать над этой темой... Вечно её тень маячит за спиной.

Пиво становится вредным напитком, если подлить в него водку, самогон или всё то, что имеется под рукой из горючих материалов. Состояние головы, через отверстие в которой прошел данный напиток, впоследствии подтверждает это. Но задним числом это, увы, уже никому не интересно.

Это после голова болит, а вначале она бурлит невероятными идеями, мыслями, ну и привлекательными домыслами, конечно. И так ловко она это делает, что трудно отличить одно от другого, такой в ней энергетический фон гуляет. Эти энергетические напитки и не на такое подбить могут самого тихого и безобидного человека – натуральное, оно всё очень и очень керосиновое... Брось только спичку – ноги унести не успеешь. Так рассуждали друзья, сидя в баре, о ценностях пива.

И всё бы было хорошо, если бы Яша Мухаморкин, как обычно, не втянул бы беседу в провокационное русло.

– Вот почему у одних народов президенты справные, разумные и выдающиеся, а у других ни то, ни сё, – Яша на мелкие темы старался не размениваться. Если обсуждать, то самые важные вопросы для страны и мира, и именно в пивном баре – здесь как-то всё лучше анализу поддавалось, и предположения правдивей ложились в расчет.

– Кому, какого бог дал, – стандартной фразой постарался отодвинуть в сторону назревающий серьёзный разговор Рваный.

– Э нет, здесь прослеживается нездоровая последовательность: одним все время, что-то путное попадает, а другим такое, что и словами обозвать, чтоб все пакости в точности отобразить, никак не удастся. Бог такое бесконечное свинство вряд ли позволил бы, – Игорь Кислоух глотнул своего энергетического напитка и обтер рот рукавом.

– У каждого президента, даже самого убогого, есть двойники, – раздвинул тему Илюша Кац за пределы пивного бара. И тут же вломил в корень, видно, давно накипевшее: – Почему у соседей и президента и двойника его уважают, а у нас и оригинал могут зашибить? – он обвел всех вопросительно победным взглядом, сам удивляясь, как ему такое могло в голову взбрести.

Он жадно осушил свой бокал со свирепым видом неандертальца, неудовлетворенного доставшейся долей добычи. Яша тут же плеснул из своего бокала в его опустевший, чтобы отвлечь внимание Илюши от навязчивой темы. Но не тут то было. Илья мгновенно заглотил Яшин дар, и, воодушевившись, продолжил:

– Иду я, третьего дня, по Садовой, и вижу кавалькаду машин, что у черта рогатого свита... Суетятся все, шмыгают туда-сюда, а после по свистку попрыгали в машины и сразу в галоп. Глядь, а на тротуаре забыли такого строгого и подмазанного со всех сторон мужчину в костюме то ли от Кутье, то ли от Вуалье. Присмотрелись – наш президент, ё моё, собственной персоной, без охраны. Бабы окружили, как без этого, а среди них, хоть одна да с приветом обязательно найдется. И так-таки нашлась, – хрясть мужика, нашего президента, хозяйственной сумкой по горбу. Оттуда и соль, и мука посыпались, и яйца потекли. Видно, чем-то он ей не приглянулся. Он бежать, а она ему: «Куда же вы, господин президент? Откушайте хлебца с солью. Пока, правда, полуфабрикат... как и все ваши обещания». Ну, а женщины, вы же знаете, когда они скопом – стоит только одной показать что-нибудь не пристойное, как и остальные туда же. Вторая подбегает, да карнизом оконным, по магазинному упакованному, и не пожалела же новую попку, по спине его угостила, очень надо сказать, удачно: карнизу досталось. Какой уж тут хлеб да соль, – ноги в руки да бежать. Тут только машины подъехали, охрана сопровождения, полиция. Схватили президента под руки, да в машину бросили. Полковник представительный, что гусь на дроте, вышел и сказал очень строго: «Не хорошо, дамочки, так с человеком обращаться. Повезло вам, что это не президент, а простой человек по случайности на него очень похожий... А то б сидеть вам долго и нудно в местах прискорбных на пайке. Случайно оставили на пять

минут, а вы уж и рады...» Надо сказать, бабцы сперва струхнули порядочно, оно-то, конечно, страшно, когда особа при такой охране, а ты её по горбу... Но тут же храбро возразили: «А что вы бросаете на дороге, всё, что не попадя, а нам, откуда знать, надо оно или нет? Если оставлено и выброшено, то не большой ценности...»

«Не вам о том судить: ценно оно или нет. Вы своей дорогой проходите, и не зевайте по сторонам. Сказано вам – обычный человек похожий на первую особу, а иначе б...» – полковник хлопнул дверью машины и на газах укатил. Вот такая история вышла, – окончил рассказ Илюша.

Да, почесали все головы: а не сон ли здесь затесался в канву? Может чего померещилось до похмелья, когда голова пухнет и кругом идет? – такое случается, невольно. Думаешь, что в баре отдыхаешь, открываешь глаза – а за окном утро и на работу пора. Тут не то, что президента по горбу готов огреть, даже жене родной «доброе утра» не скажешь. И здесь уже ты для неё таким «президентом» становишься, что шибануть по спине ох, как хочется, да только закон не велит, и кулак мужнин пугающе подрагивает.

– Нет, трезв был, как стекло! Наяву было, хош, перекрещусь? – и Илюша большой своей лапой, сомкнув три пальца вместе, перекрестился, держа в левой руке свежий бокал с пивом, в который Рваный подливал для «качества» напитков личного производства.

Пришлось поверить.

* * *

Изабелла Викторовна вместе с дочкой болтала на кухне, а Брыне, вернувшись домой, очень хотелось выпить чая или воды – сушило сильно, внутренние органы жаждали влаги. Чувствуя, превосходство своего состояния, перед трезвыми женщинами, он не стал щадить их нервную систему, а вызывающе вторгся в кухню, и так посмотрел на жену, Люську, что та мгновенно испарилась.

– Ага, – сказал Брыня тёще и задумался. Взбодрился, выпил

воды из-под крана с такой жаждой, что через нос полилось. Посмотрел подозрительно на Изабеллу Викторовну, и снова сказал: – Ага...

Ещё не придумав, что такое замастырить, чтоб несокрушимая победа свалилась ему в руки, а всё ещё играющий внутри алкоголь подсказал-таки выход, – вот оно, свойство полезного натурального продукта, – всегда какой-то толк выдаст, даже, если и не просят.

– У меня там... (Брыня выдержал внушительную паузу, благо, состояние организма располагало к артистизму, закатив глазки к потолку) опять спрашивали: «Не желаете ли пожаловать наверх покоя ради?»

Тёща шарахнулась к двери, что кошка от потопа, заголосив пугливо:

– Нет, нет! Я здесь ритм жизни поддерживать буду, да ещё и вещички кой-какие в порядок привести надо, прочих дел уйма...

– Ну, ну, – строго сказал Алексей и ткнул в её сторону «страшно священный» указательный палец. – Это не человеческий удел, поддерживать ритм жизни... За нас все решат, здесь думать во вред своим планам получится. Сообщите сей-сей, если вдруг надумаете, потому, как пора уже что-то решать... – и неестественно заморгал глазом, так как волос с ресницы пробрался к главному яблоку, и заломился там некстати.

У Изабеллы Викторовны душа провалилась в пятки. Она так передернула плечами, что наплечные шлейки платья чуть не соскочили, до конфуза осталось совсем рядом.

– Так, если что, скажите, вмиг организуем... – выкрикнул довольный победой Брыня вслед удалившейся теще, все ещё мигая одним глазом.

«Главное в жизни, хорошо продуманная идея и качественное её воплощение», – произнес Алексей вслух, слегка заплетающимся языком никого не стесняясь, и нежно погладил себя по голове: «Заслужил, подлец, ай, заслужил...»

* * *

Сверху дворик, в котором разместился уютный парк, был затянут маскировочной сеткой, скрывавшей внутренние подробности быта и жизни объекта. От кого

скрывала, что и зачем прятала наброшенная на проем таинственная вуаль – о том мало кому было известно. Имение, да имение, каких ныне десятки и сотни расстроившихся чиновников, бизнесменов, их родственников, казнокрадов всех уровней и мастей, торговцев наркотиками, оружием и многими заманчивыми услугами, пользующимися постоянным нетленным веками спросом, но не прилюдно, а для пользы и надежности, потаенно, по договоренности к взаимному удовольствию. Если бог есть любовь, то, к какому боку этого сочетания примыкает удовольствие? Любовь – это божественно. А удовольствие?.. Не является ли оно происками сатаны? Как разобраться в этом обычному человеку с зашоренными от проблем мозгами? Обратитесь к его жене, если и в вашу голову подобная дрянь затесалась, она разъяснит. Эта женщина проживает рядом с центральным базаром, на улице, где каждый месяц лопаются канализационная труба и нечистоты смердят несносно. Зовут её Маня, правильной Мария, но кто её так называл последний раз, она сама вспомнить не может.

Ухоженный уютный парк с голубыми елями, платанами, с позолоченными скамеечками, волшебными фонтанчиками говорили о том, что деньги здесь не слишком считают. Во всяком случае, их расход не рассматривался, как потеря средств, а напротив, ажурно славил радость приобретения.

По парку прогуливались хозяйским вельможным шагом двое мужчин: один в спортивном костюме, второй, в костюме тройке с галстуком, похоже, вот-вот должен был поспешить на важную встречу или ответственное мероприятие. Вот только похожи они были, как братья-близнецы, и был ещё третий образ, всплывающий в голове инкогнито, лишь кто бы то ни был, увидел «братьев». Но их никто не видел, и потому ни у кого в голове ничего не всплывало. И, слава богу. Оно так даже лучше для всех.

– Слышал про мой конфуз? – обратился «брат» в спортивном костюме к «брату» в костюме тройке.

– Да... Начальник охраны очень смешно рассказывал, и даже, можно сказать, заливался от произошедшей случайности, качаясь по дивану.

– Вот гнида такая! Всё при случае президенту расскажу, покудахчет ещё. Он же мог и настоящую персону оставить по глупости своей на растерзание толпы.

Такое не прощают никогда, – «брат-спортсмен» состроил лицо, как у гимнаста перед прыжком через козла. – И этот, так называемый, начальник охраны, высадил меня по случайности и забыл подобрать, сволочь – продолжал негодовать «обиженный брат». Налетевшие бабы, женщин там почти не было, угостили по спине своими дурацкими торбами, наполненными бог знает чем. И почему у женщин, скажи пожалуйста, непременно должна быть сумка в руке и обязательно с чем-нибудь тяжелым. Это, что – дань моде, предмет гордости?

– Это предмет необходимости... Необходимости хранить в нем полмира, а заодно использовать, как средство защиты в случае возникновения непредвиденных обстоятельств. И сильно тебя отмутузили?

– Не сильно. Но даже для двойника президентской особы очень унижительно и обидно. Дать бы каблуком под зад такой умнице, только сан, хоть и маскарадный, всё же не позволяет. Вот была бы умора, если нога сама не выдержала бы и съездила по внушительной заднице. Пусть бы потом говорили, что президент деспот, с культурой не дружит, женщину ногой пнул. А мне обидно, что не пнул... Таких дерзких хамок надо топтать и топтать, а после на четвереньки и снова...

– Не заводи себя, а то завод сломается, – ответил «брат» в тройке. – Нам такое не позволительно, инструкция не велит. Только первая персона может принять иное решение. К тому же, извини, но напомним для пользы дела – я двойник, а ты всего лишь тройник. Потому каждый сверчок должен сидеть на своем шесте и не высовываться, иначе здешнее болото – сплошная топь, тело если окунется, то уже не всплывет. Так то, брат...

– Я же с тобой по-дружески, поделился переживаниями...

– И я по-дружески, чтоб чего не вышло... Ты же знаешь, по статусу нам не разрешено встречаться, даже знать не должны о существовании друг друга.

– Так-то оно так, но не наша вина, что по нелепой случайности во дворце достижений народного хозяйства, в котором мы никак не должны были пересекаться, но пересеклись, возникло задымление, и наша охрана, во избежание риска раскрытия тайны, поместила нас в одно помещение, чем мы и обязаны личному знакомству. А то бы работали самолично, мнили бы из себя незаменимую персону, выкаблучивались бы перед остальным персоналом, что

полубоги, а оно вон как.. Вжих.. и на твоём месте иной тельняшку рвет, без ущерба для общества, дела и службы.

После этого события начальник охраны смирился со случившимся, чувствуя, прежде всего, свою вину, и прикрывал мелкие глазки филина на совместное содержание двух двойников президента, но при встрече смотрел на них пронзительно гадко и подозрительно, стараясь свести их общение к минимуму. Если до знакомства их держали в разных имениях, то ныне, в том числе и в целях экономии средств, поселили в одном, но в таком режиме содержания, что их встречи были редкостью. Каждый из них искал возможность пообщаться с коллегой, с тем, чтобы разорвать свое «добровольное» тоскливое заключение, связанное с родом деятельности. Начальник охраны, получивший прозвище «Филин» из-за глубоко посаженных мелких глаз, интуитивно догадывался о желании двойников наладить друг с другом надежную связь, и потому враждебно вглядывался в каждого из них при встрече, пытаясь выяснить удалось ли им что-нибудь придумать или же тема всё ещё в разработке. Никто никогда никому не разглашал прозвище начальника охраны: не то место и род службы, да при пугающей ответственности, чтобы пустое нести. Но в любой беседе, если упоминалось о Филине, все знали о ком идет речь. Телепатия... язвы её в корень. Вот она есть, а как только возникает желание пощупать, так её нигде нет. Чудеса твои, господи, непостижимы... и тем божественны.

Коллеги молча бродили по парку, не решаясь продолжить разговор, помня о множестве строгих инструкций. Коллега по роду деятельности, а тем более той, о которой шла речь – это тебе ни брат, ни сват. Тут ухо держи остро. Прежде, чем слово сказать – семь раз отмерь и подумай, а лучше промолчи.

Вот и прогуливались они молча: слово сказал, семь в уме забаррикадировались. Они не знали ни имени друг друга, ни фамилии. Известно было только, что один из них двойник, а другой тройник, и то, данное обстоятельство выяснилось совершенно случайно. И не было у них никакой уверенности после внезапно открывшейся истины, что кроме них нет других двойников президента. Потому как в окружающей их среде всюду витало: один видишь – семь в уме осталось.

Так и расстались они молча, слегка кивнув друг другу на прощание.

* * *

Двойник президента республики, по открывшимся обстоятельствам – «тройник», последнее время плохо спал и много думал. Ни то, чтобы думал, а просто задрало его козой мнимое президентство и все, что связано с выполнением обязанностей на этой специфической работе. Вначале всё складывалось, как нельзя лучше: и почтение тебе и поклонение, и все встают, когда тыходишь, и вновь встают, когда выходишь. Никто ж не знает, кто ты есть на самом деле и принимают за натуральный продукт. Но тот, который внутри тебя сидит, начал предъявлять свои требования: обрыдло, видите ли, ему всё до чертиков. Ведь не тебе почтение, а лишь внешности, случайным образом, с кем-то там схожей. Ну и что, что с президентом сходство имеешь. А какой твой особенный талант в этом? А вот изменится внешность с годами или, не дай бог, отметина появится непредусмотрительно? Куда тебя тогда денут? В тайгу непролазную, на необитаемый остров, или надежней всё же в расход пустить: дешево и с гарантией? Ты бы сам, что выбрал? Вот то-то же!

«Ему, президенту, всё лучшее и полная свобода действий: что говорить, что делать, куда ехать, где отдыхать и с кем спать. А мне, точно такому же человеку, а кое в чем, намного лучшему, полное ограничение во всем. Но самое обидное – в свободе перемещения и общения: кого пришлют, тому и изливай душу. Но, чтобы ни один детектор не уловил твоих слов и мыслей», – так размышлял «тройник» – человек без имени и прав, которого на самом деле звали Николай. «Они даже выбирают мне с кем спать!»

– Я, что вам, радиатор?! – выкрикнул вслух Тройник, имея в виду «гладиатор», которым, как он читал, приводили женщин на ночь». Это был его героический протест против сложившихся обстоятельств. На героизм, в особых случаях, способны даже те, кто никогда о нем не думал. И мать их тоже...

В детстве мама ласково звала его Николай-угодник. Отец, по-мужски, жестко именовал Николаем-негодником за то, что часто шkodил: таскал у него из стола презервативы, подливал в бутылки с вином и водкой воду из-под крана, стараясь увеличить количество содержимого, сверлил в шляпах отверстия, чтобы голова проветривалась и много чего вытворял такого, что с точки зрения подросткового возраста должно было пойти семье на пользу. Но почему-то не шло, а его влечение вершить благо – не понимали. В знак своего несогласия с порицанием,

он прокалывал иголкой палец и на обоях кровью рисовал таинственные знаки, в его понимании, отображающие стремление к вечной справедливости. Отец лупцевал сына ремнем с целью ускорить процесс взросления, но непонимание мира взрослых в голове отпрыска только усугублялось. Какая связь была между орудием истязания и умственным развитием, и как первое могло повлиять на второе, оставалось задачей, которую много веков пытались разрешить зрелые ученые. Пожилые жрецы науки только ехидно улыбались в ответ на подобный вопрос, и многозначительно молчали, изображая непревзойденных умников. То, что за правду и желание вершить добро приходится страдать – укоренилось в голове Николая с детства. Мир, устроенный взрослыми, вызывал протест и отторжение. Это умозаключение откладывалось в подсознании и коварно ждало своего момента, чтобы опрокинуть устои недальновидных отцов.

– Э-э... Ёо-о!! – издал жуткий пронзительный крик павлин, разгуливая по дорожкам сада.

«Фу, зараза! И наградил же господь такую красоту таким мерзким голосом», – вздрогнув от резкого внезапного звука, упрекнул Николай Создателя. Павлин напомнил Николаю, как ни странно, самого себя – такой же расфуфыренный в президентских одеждах, может свободно гулять по саду в пределах имения и кричать различными голосами, что ему вздумается, кроме, разумеется, слов порочащих государственный строй и главу государства, то есть, в какой-то мере самого себя.

Николай ещё в детстве уверовал в свою неординарную судьбу, после того, как в осенний пасмурный день к нему в комнату влетела шаровая молния. Он, конечно, не сразу понял, что это молния, да ещё шаровая, но после уяснил без сомнения. Это был пылающий огнем шар величиной с блюдце. Незваная гостья облетела комнату по периметру на высоте потолка, тыкаясь носом в каждый угол, как слепой на перекрестке. Что она там вынюхивала, разобрать было невозможно, как и понять всех этих инопланетных посланцев с их странностями и причудами. Мысли юного парня при виде явления метались, как рыбки в аквариуме, куда кот запустил свою когтистую лапу. «Ниже не опускается, потому, что чего-то боится... размером значительно меньше футбольного мяча, сыграть нею вряд ли получится... вот бы изловить и в сетке вынести во двор на удивление ребятам... Светка была бы в восторге, вот тут бы я её и пригласил в кино...»

А тем временем сияющая сфера опустилась ниже и остановилась в полуторах метрах на уровне Колькиных глаз. Бег мыслей в голове юноши остановился. Так и застыли они друг против друга на неопределенное время. Николай в светящемся шаре ничего не высмотрел, а что уяснила для себя молния, и уяснила ли, осталось вечной загадкой. Огненный шар вылетел через окно, как и явился, не опалив при этом гардину. С этого момента Николай поверил в свою предрасположенность к миру избранных. Осталось найти этот мир и постучаться, чтоб впустили.

И, черт побери, так-таки впустили. Все вышло, как в несурзном бреду или, как в дешевом фильме штамповке. Но факт – вот он, разуйте глаза! Николай в президентских прибабасах и с маршальским жезлом в руке. Взмахнет, и танки пойдут на приступ опорного пункта. Махнет над головой, и самолеты поднимутся в воздух, готовые сбросить смертоносный груз на ничего не подозревающего неприятеля. Откуда тому знать, что на его детей пожаловались отпрыски противной стороны. Не зря же всему свету известно, что от любви до ненависти расстояние короче плевка. Дети пошалили, чего-то не поделили, а у взрослых голова с плеч долой. У одних грудь в орденах, благодаря подобной казуистике, а у других – в отверстиях от пуль. И только равнодушным небесам это кажется нормальным, так как и одни, и другие для них – дети неразумные, хоть и обладающие мышлением, и рано или поздно объединит их общая участь перед которой все равны. И только наивные временно будут мнить себя победителями...

Не смотря на их длительные молчаливые паузы во время не частых встреч, двойники президента ощущали родство душ в своих отношениях. А могло ли быть иначе, коль при их условии жизни других общений не предусматривалось. Служебные обстоятельства сталкивали их и с начальником охраны Филином, и с представителем тайной полиции («Тайник» – как они его называли между собой), который расписывал им обязанности при очередном выезде на мероприятие. Он же вручал им тексты речей, которые они заучивали наизусть, проводил инструктажи о конкретном мероприятии и его значении, а так же определял диапазон их возможностей: что можно было делать и говорить, и в каком интервале, а что категорически запрещалось. Ни с Филиным, ни с Тайником никакие посторонние разговоры не допускались, да и их строго надменная манера держаться ни к чему доброму не располагала.

Были ещё правда уроки, на которых им преподаватели искусство декламирования и копирования разговорной речи, приемы ходьбы и подражания движениям, правила этикета и поведения на все случаи жизни. С обучающими этим предметам преподавателями (одни мужчины, как назло) допускались мелкие свободные вольности, но они натыкались на броню служебных установок, которые читались на лицах репетиторов. И натыкаясь, сдувались, как воздушный шарик.

Женщин, которых им доставляли раз в неделю, были не в счет: они не произносили ни одного слова за время общения, только слушали и вожденно дышали, по-видимому, согласно инструкции.

Вот и оставалось двойникам питать друг к другу родственные чувства, за неимением иных близких душ. С какого-то момента своего общения они стали называть, то ли в шутку, то ли по дружбе, один другого Двойничок и Тройничок, и от этого на душе становилось приятно ласково.

* * *

Только творчество разъедает ржавчину повседневной жизни, и как над ним не издевайся, все равно не надоеет. Все остальное рано или поздно приедается и начинает язвительной занозой донимать душу, сердце, мысли... Особенно страдает от этого депутат судьбы, поставленный на полное обеспечение и содержание, которому в ус не надо дуть, чтобы позаботиться о завтрашней нужде. Довольствие располагает к лени и предостерегает от чрезмерных усилий в деятельности. Но не приведи господи такому депутату лишится привычной поставки – вмиг инфаркт хватит, либо ещё какая напость похуже прибьется. И закон здесь работает не на физической силе, моральной, культурной или звездной восприимчивости окружающей среды, а на топливе психологии, господа-товарищи, от которой негде укрыться. Хоть в небе от неё прячься, хоть под землей затаись, а она всё равно своё возьмет, если к ней сокровенного подхода не подыскать.

Самое обидное, что тому, кто имеет подобное обеспечение, завидуют сотни и тысячи людей, не понимая, какая-токая психология отягощает бытие почти царствующей персоне. А тому и ананасы не в радость, мандарины осточертели, а от торта «Кучерявый пинчер» лицо само произвольно воротится. Бананы

пользовались спросом лишь потому, что кожура выбрасывалась везде, где персонал мог поскользнуться, а съедобная часть шла на корм рыбам в бассейн и осаживалась в виде ила на дне, в котором заводились разные гниды. Никакие деликатесы не могли отогнать тоску и отвращение, потому, что отсутствие свободы лишает всяческого удовольствия, в том числе и аппетита. Кто поверит в подобное, не побывав в сообразной шкуре?

Это присказка. В сказке каждый хочет на улице найти, ну очень много денег или драгоценностей. Только, где найти того, кто эти ценности хотел бы потерять? А первое без второго не бывает. Вот и, поди, разберись в этом лабиринте: если один не желает терять, то, как другому найти? С вашими желаниями разбогатеть – сходите к цыганке, она точный путь укажет. Если же вы такой принципиальный и цыганкам не доверяете, а всё же жаждите есть-пить вдоволь и отделаться от всех жизненных забот – станьте двойником президента. Надо всего лишь походить на оригинал, как две капли воды, быть того же роста, возраста и веса, и чтоб в президентской канцелярии, в тайном её отделе, вас не вышвырнули за порог.

Вот Николая не вышвырнули. Жизнь выгнулась так, что не он ходил, а за ним пришли. И так вежливо, но настойчиво поговорили представительные мужчины крепкого спортивного сложения, что он не смог отказаться от неслыханных перспектив. К тому же, красotka за их спинами интригующе улыбалась и подмигивала, а в глубоком её декольте, не таясь, играла волной неукротимая сила. Так что выбор был, можно сказать, совершенно добровольный. Правда, позже, бесконечные инструкции и инструктажи предупреждали о последствиях при отказе от выбранного пути, как-то мутновато, но смысл угадывался такой, что, мол, обратной дороги нет. То есть, путь есть, но такой плохой, что по нему ни пройти, ни проехать, и даже пролететь никак не получится, чтобы целым остаться. А после пришлось пройти полную обработку, как кандидата на почетную должность, в результате чего промежность смыкалась похлупывая, словно, в мыле и часто подрагивала от излишней впечатлительности испытуемого. И нужен ли козе баян при таких условиях? Кто-то скажет, что нужен, а иной воздержится: каждый выбирает по своему спросу и потребностям, фантазиям и заблуждениям.

У Николая через полгода работы на «ответственной должности» проскользнула первая мысль о смене «специальности» и возможностях побега, при полном

отсутствии видимых возможностей это совершить. Никаких конкретных планов, но что-то в голове время от времени царапалось, не объясняя причины и вызывая щемящее чувство безысходности. Вопрос о том, как выбраться на свободу за пределы обнимающих его всюду запретов и стен, возник много позже, и с новой силой начал саднить душу. И это несмотря на полное обилие изобилия – её богу, странностям человеческим нет предела, а главное, сам не знает точно, чего хочет. Загадал желание – сбылось; проходит капля времени, и всякий интерес к свершившемуся утрачен, подавай новую охоту. Тьфу, какая зараза этот человек с его вечным «дай».

«Понять желания и стремления человека очень сложно, удовлетворить – невозможно. Разве что, на короткий промежуток времени». – Так ответил ему, когда-то, отец на вопрос: «А что такое счастье, папа?» Николай тогда усомнился в правильности ответа. У него был свой вариант толкования: «Счастье – это, если не надо ходить в школу, а тебя будут содержать, удовлетворяя любую прихоть». Спустя много лет, на эту фразу, откуда-то, из подсознания навязчиво наслонилась мысль: «Здесь уголовщиной попахивает... или полной развращенностью бытия».

* * *

Странные вещи происходят с человеком по мере его взросления, становления и переходу к пенсионному обеспечению. Важные события забываются, меняют смысловой оттенок, явная ложь, а то и чушь, которые некогда воспринимались, как истина, всплывают на поверхность...

В памяти же цементируются какие-то второстепенные ничего не значащие события. Да и вообще, человеческий центр управления выбрасывает такой фортель, что сам иной раз всполошишься, а не то, что родного брата удивишь своими выходками. Выходит, с головой надо серьёзно разбираться не щадя материи, из которой она состоит.

Олег, по прозвищу Рваный, был в самых прекрасных годах человеческой жизнедеятельности, но его внешний вид жизнь замаскировала, что танк в засаде, присыпанный всяким хламом. Ему уступали место в общественном транспорте, что страшно злило, и на оказываемое почтение, он сквозь зубы цедил: «Сгинь, сволочь первозданная... вепрь тебя задери». Больше всего на

свете Олег любил, попивая пиво, размышлять о высоких материях, бренности жизни и её смысле. Ни одно событие, вливающееся в местный пивной бар, не обходилось без его участия или обсуждения, и он был горд этим.

Утро Олега Рваного начиналось с того, что первый луч света, проникнувший промеж век в глаз, вызывал на устах злобную ухмылку, скользившую по диагонали, и следом нецензурную брань.

Ежедневный утренний монолог его сводился к следующему:

«Что? Опять в дерьме? Когда наконец я открою глаза, а вокруг – комфортная обстановка: мягкий свет, музыка, фрукты в вазоне, ну и» О женщинах Рваный, вообще любил размышлять, мечтать и фантазировать. Особенно, об интимной близости с ними. По сравнению с реальными взаимоотношениями, это было не обременительно, приятно, а главное, совершенно бесплатно.

Если бы в квартиру Рваного забрался вор, то очень бы обиделся на хозяина. Ничего ценного в ней не было. А то барахло и рухлядь, которые некогда назывались предметами быта, пришли в такое состояние, что надо было поискать старьевщика, согласного приобрести имеющийся хлам даже бесплатно. А вот за вынос, пришлось бы доплачивать хозяину – это, как пить-дать...

Но, слава богу, хозяин о таких мелочах не задумывался, а то бы вспылал не на шутку. И было бы кому-то больно, а возможно и не хорошо, ведь не зря же Олег Рваный бывший борец, гроза района. Если ему ухо на тренировке порвали, почему он должен терпеть личные обиды, да ещё от бог весть кого. В определение «бог весть кто» входили все, кроме, разумеется, самого – Олега Рваное Ухо.

Сегодня Рваный решил навести порядок в собственном гнездышке, чтоб после, с чувством выполненного долга, посетить пивной бар и увидеться с неразлучными завсегдатаями заведения, предоставлявшего временный кров страждущим душам. Предстояло разобраться с горами носков, скопившихся за последние годы, и рассортировать по критериям использования: рваные, частично порванные, не годящиеся ни на что, и укомплектовать сохранившиеся в целости одиночные носки в пары. Задача стояла непосильная, но жизненно важная, потому безотлагательная. Больше всего оказалось «не годящихся ни на что».

Олег решительно швырнул их в мусорное ведро. Ведро переполнилось горкой и носки стали сползать в сторону пола, словно черви в банке рыбака, готовые сбегать при первой возможности.

Чтобы облегчить задачу и не размениваться по пустякам, Рваный решил при сортировке носков придерживаться двух оттенков цветов: темные и светлые. Так он их и сортировал попарно: темные с темными, светлые со светлыми. Конкретный же цвет роли не играл, как параметр второстепенный. «Кто в пивном баре мои носки будет рассматривать?» – убедил он себя твердым вопросом. И даже отвечать на него не стал.

Целых пар, однако, не оказалось совсем. Но пытливый ум тут же предложил подсказку: если одевать по два носка на ногу с разно расположенными дырками, то прорванные места одного, будут перекрываться уцелевшей тканью другого. «Не каждый доктор наук до такого додумается. Это тебе не липовые цифры складывать в одну кучу, а после трясти ними, как шаман. Тут пространственное мышление иметь надо, – похвалил себя Олег, и настроение поднялось чуть ли не до потолка. – Любое дело можно одолеть, если подойти к нему творчески, учитывая опыт предыдущих поколений, и проявить упорство в достижении цели». Последняя фраза вывалилась из головы Рваного совершенно неожиданно, застрявшая, видно, в подсознании, когда-то давно и случайно.

Увлечшись делом, Олег пошел ещё дальше – по дырам на носках, определил наиболее уязвимые места и причины их возникновения. Благодаря невероятным усилиям работы мозга, он взял старые притупившиеся ножницы и стал состригать ногти на больших пальцах ног. Это были даже не ногти, а пазуры – когти, с помощью которых электрики некогда залазили на деревянные столбы. В молодости Олег любил озадачивать приятелей вопросом на логическое мышление, как он его именовал: «С когтями, но не птица, летит и матерится. Что это?» Он повторял его всякий раз при встрече со знакомыми, забывая, что ранее уже ознакомил их с этой шуткой, – был у него такой период. Похоже, во всем виновато было занятие спортом: в голове заклинило от сотрясения, после очередного проведенного броска соперником на спортивном мате.

Правильный ответ был такой: «Это – электрик со столба упал». После разъяснения вопроса полагалось смеяться. Все знали ответ, но выслушивали молча, а после не смеялись. Видно, всем было жалко электрика.

Провозившись полчаса и устранив вычисленную проблему, Рваный пришел к странному выводу, что наука в быту может быть использована во благо, а думать, вообще, полезно и иногда даже приятно. Это была высшая похвала учению из его уст.

Олег Рваный не стал более медлить с порывами души, и быстро одевшись, устремился к объекту своей страсти. Туфель на левой ноге был начищен чуть ли не до блеска, а вот на правом – сохранялась пыль былых походов. Видно, что-то оборвало процесс омовения в самый неподходящий момент, а вернуться к нему не было уже никаких моральных сил. Много в жизни происходит рывками, толчками, а после успокаивается...

Если бы Олег Рваный вышел из дому чуточку позже, или же, будь попроворней – немного раньше, то сидел бы в пивном баре кум-королю и день до вечера, и вечер до ночи в родной атмосфере поклонения Бахусу. На верхней губе отложилась бы белая пивная пена, в голове кружилась бы музыка блаженства пусто-порожней жизни – и плевать, а в желудок обязательно опустилось бы что-нибудь покрепче пива – и ради этого стоило жить.

Но Олег вышел из дому тогда, когда вышел, и, не пройдя ста метров, наткнулся на Машку Спиридонову, бабёнку в самом соку, лет тридцати, частенько злоупотреблявшей наркотиками. Приличных молодцев Машка отпугивала своим образом жизни, а неприличных – такими выбриками и проделками, что у тех волосы на голове сначала становились дыбом, а после самопроизвольно хаотично шевелились, клонясь в разные стороны и вновь распрямляясь, без всякой системы и повода. Вепрь в лесу не пожелал бы лишний раз с ней сталкиваться на одном пути, а вот Олег столкнулся и даже с удовольствием, не упустив случая, пошлёпать ладонью по упругой молодой женской ягодице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/sklyar_aleksandr/teoriya-neveroyatnosti

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)